

И.Е. Грузан, аспирант

В.А. Петишева, доктор филологических наук, профессор,
декан факультета филологии и межкультурных коммуникаций
Бирский филиал Башкирского государственного университета, Бирск (Россия)

Ключевые слова: образ слуги; реалистические традиции; индивидуальность; ирония; портретный очерк, литературные архетипы.

Аннотация: Статья посвящена анализу индивидуального социального портрета «лица типического» как «представителя сословия» И. Гончарова. В статье рассмотрен образ слуги в произведениях писателя, сделаны соответствующие выводы. Очерки представляют биографический и историко-культурный интерес. Произведения такого рода идеализировали «доброе старое время». Этой цели объективно служили опубликованные в 1888 году очерки «Слуги старого века». Взаимоотношения барина и слуг тех лет изображались автором только на бытовом уровне, без показа каких-либо социальных конфликтов. И. Гончарова больше поглощала национальная специфика русской жизни, в ее стихии он видел самые разные возможности и наблюдал дотошно и пристально. Специфика русского человека отражена в образах И. Гончарова, в которых индивидуальное и своеобразное выходит на первый план. В романе «Обрыв» мастер слова ограничился изображением праздной угодливой дворни, развращенной подачками с барского стола. И. Гончаров-писатель уходит от литературной традиции очерка классической русской литературы в реалистические традиции мировой литературы: противоречия и конфликты, «симпатии» и «антипатии». И. Гончаров-барин сменяет в своем доме различных слуг и становится свидетелем, или «третьим», их частной жизни, что охотно отражает на страницах своего очерка, где нет сюжетов, но есть интересные или поучительные факты жизни. Сюжет в очерке И. Гончарова – творческое преобразование взятых из жизни фактов, которое происходит в свете художественно-публицистического характера. Гончаровский очерк в целом – размышления автора о делах и людях; рассказ, который приоткрывает внутреннюю жизнь, психология с ироническими оттенками, а не сухое описание факта. Тема «маленького» человека, как правило, в образе слуги, звучит у И. Гончарова в каждом произведении. Если в литературе это показ определенного и устойчивого обобщенного образа слуг, то у И. Гончарова этот образ индивидуален, или скажем так: И. Гончаров создал индивидуальные типические образы. Литературные приемы автора разнообразны: живописный портрет, иногда сатиризация наружности, комические ситуации в жизни. Основной метод портретной характеристики – язык действующих лиц (слуги и барина, чаще всего – это диалог).

Место Гончарова в истории русской литературы XIX века оказывается парадоксальным: рядом – но в одиночестве, вместе – но поодаль. Есть известная фотография, сделанная 15 февраля 1856 года в Петербурге в мастерской Левицкого у Казанского моста. «На ней – шесть авторов из круга «Современника», как выяснится потом – больше половины великой русской литературы второй половины века: Толстой, Тургенев, Григорович, Дружинин, Островский и Гончаров. <...> Гончаров на этой фотографии – крайний слева. Лысеющий сорокачетырехлетний господин сидит за спиной Тургенева, подпирая голову рукой и глядя куда-то вдаль. Он еще не знает, что его сосед вскоре прославится «Дворянским гнездом», «Отцами и детьми» и станет его смертельным врагом. А сам он через три года опубликует роман, который сделает его действительным тайным советником русской словесности» [1, с. 139–140].

И. Гончаров в одном из писем писал: «Говорят, что в «Отечественных записках» появилась ругательная статья «Уличная философия» на мою книгу. Буренин ли написал ее, или сам Щедрин, который всё проповедовал, что писать изящно – глупо, а надо писать, как он, слюнями бешеной собаки – вот это же *леттература* – и всё из того, чтоб быть первым! Ах, эти первые! Нет гадости, на которую бы они не решились за это первенство <...> Нет, я человек конченный, – честь и слава уму, тонкости и силе, которых потрачено немало, что уничтожить такого изверга, как я... Я так всем напуган, так болен, мнителен, что удивляюсь себе, как выдерживаю» [2, с. 235].

В тяжелый период своей жизни И. Гончаров пишет тонкие, остроумные очерки: воспоминания об учебе в университете – «Из университетских воспоминаний»; «На родине»; размышления о творчестве – «Необыкновенная история», «Литературный вечер»; очерк городе, о доме, где было прожито тридцать лет – «Май месяц в Петербурге»; о жизни. Очерк позволяет наглядно, доходчиво откликнуться на события, раскрыть образ человека, дать его портрет, рассказать о быте, нравах, обычаях людей своей и других стран.

В основе портретного очерка – рассказ о человеке и его жизни, но не каждая судьба может послужить темой для написания очерка, лишь та, которая наиболее ярко отразила эпоху, действительность, если выражено социальное значение в конкретных обстоятельствах, какие-то определяющие моменты в жизни человека. На протяжении всей своей творческой жизни писатель создает галерею образов слуг: Елисей, который открывает галерею крепостных слуг в «Счастливой ошибке»; Авдей – «дремучая лакейская лень», которого сравнивали с Осипом из «Ревизора», практически в отличие от своего хозяина и который все же комический двойник барина в «Иване Савиче Поджабрине»; Евсей – нерадивый слуга, в «Обыкновенной истории»; Фаддеев – матрос из крестьян в «Фрегате «Паллада»; Захар в «Обломове»; Егор в «Обрыве».

В очерках «Слуги старого века» автор, действительно, «немало потратил красок на изображение <...> меньшей братии», проявил наблюдательность и неприкрытый комизм: « <...> так как я, старый домосед,

сидя в небольших холостых квартирах с глазу на глаз со своими слугами, рисовал их, так сказать, с натуры» [3, с. 320]. «Слуги старого века» – зарисовки старинного домашнего быта, связанные с воспоминаниями писателя, которые воссоздают условия жизни И. Гончарова в 1840-е годы. Несомненно, очерки представляют биографический и историко-культурный интерес. Произведения такого рода идеализировали «доброе старое время». Этой цели объективно служили опубликованные в 1888 году очерки «Слуги старого века». Взаимоотношения барина и слуг тех лет изображались автором только на бытовом уровне, без показа каких-либо социальных конфликтов. И. Гончарова больше поглощала национальная специфика русской жизни, в ее стихии он видел самые разные возможности и наблюдал дотошно и пристально. Специфика русского человека отражена в образах И. Гончарова, в которых индивидуальное и своеобразное выходит на первый план.

В романе «Обрыв» И. Гончаров ограничился изображением праздной угодливой дворни, развращенной подачками с барского стола. После этого пройдет восемнадцать лет, и с самого начала в очерках «Слуги старого века» вместо предисловия автор напишет: «Мне нередко делали и доселе делают нечто вроде упрека или вопроса, зачем я, выводя в своих сочинениях лиц из всех сословий, никогда не касаюсь крестьян, не стараюсь изображать их в художественных типах или не вникаю в их быт, экономические условия и т.п. <...> На это можно бы многое отвечать, но у меня есть один ответ, который устраняет необходимость всех других, а именно: я не знаю быта, нравов крестьян, не знаю сельской жизни, сельского хозяйства, подробностей и условий крестьянского существования или, если знаю что-нибудь, то это из художественных и других очерков и описаний наших писателей. Я не владел крестьянами, не было у меня никакой деревни, земли; я не сел, не собирал, даже не жил никогда по деревням. Ребенком девяти и десяти лет я прожил в деревне два года, и ни в какое общение с крестьянами, конечно, входив не мог» [3, с. 316]. Даже длительное пребывание в крестьянской среде не дает право считать себя истинным знатоком народной жизни. Однако жизнь крепостной русской деревни была все же знакома И. Гончарову и по деревням Трегубова, и по поместью матери. Дело в другом: интерес И. Гончарова-писателя был сосредоточен на художественных раздумьях о судьбах русского дворянства.

Критик-демократ Н. Щелгунов в «Очерках русской жизни» отметил несоответствие очерков И. Гончарова наступившей эпохе. На это И. Гончаров отвечал: «Я знавал некоторых народников, поэтов, повествователей. Они тоже любили больше сблизиться с народом издали, сидя у себя в деревенском кабинете, заходили в крестьянские избы отдохнуть, спрятаться от непогоды, словом, барски, привозя с собой все принадлежности такого уютного комфорта, перед которым бледнел мой скромный «эпикуреизм» [4, с. 330]. «Слуга – это вечный «третий» в частной жизни господ. Слуга – свидетель частной жизни по преимуществу. Его стесняются почти так же мало, как и осла, и в то же время он призван быть участником всех интимных сторон частной жизни <...> Слуга – это особая воплощенная точка зрения на мир частной жизни, без которой

литература частной жизни не могла бы обойтись <...> Такова в особенности постановка слуги, сменяющая различных хозяев» [5, с. 276].

И. Гончаров-писатель уходит от литературной традиции очерка классической русской литературы в реалистические традиции мировой литературы: противоречия и конфликты, «симпатии» и «антипатии». И. Гончаров-барин сменяет в своем доме различных слуг и становится свидетелем, или «третьим», их частной жизни, что охотно отражает на страницах своего очерка, где нет сюжетов, но есть интересные или поучительные факты жизни. Сюжет в очерке И. Гончарова – творческое преобразование взятых из жизни фактов, которое происходит в свете художественно-публицистического характера. Гончаровский очерк в целом – размышления автора о делах и людях; рассказ, который приоткрывает внутреннюю жизнь, психология с ироническими оттенками, а не сухое описание факта. «<...> Тут слуги на виду, каждый формируется в тип или характер и делается или врагом дома, или другом, смотря по своим качествам, но вообще он в своём роде член семейства, близкий к делам, заботам, горю или радостям дома, – а у холостяка – невольный его сожитель, ближайший свидетель всего, что у того делается, участник в его секретах, если они есть, иногда и кошелек, при беззаботности хозяина» [3, с. 319].

Тактика простолюдина – обвести хозяина вокруг пальца, тем более если барин, по мнению слуги, беспросветно глуп. Литературные образы слуг на сцене нравились народному зрителю именно по этой причине: ловко выставляли на смех сильных мира сего, на которых в действительности простолюдин не смел глаз поднять. Особенно этим сильно «грешила» французская и английская литература: Шекспир, Бомарше, Мольер, у которых слуги относятся к господам с пренебрежением и долей снисходительного презрения. И. Гончаров уходит и от этой нереалистичной линии литературной традиции мировой литературы. Как писал Ю. Лошиц: «<...> Повествователь в «Слугах старого времени» не только «вздыхает» и задаёт себе безответные вопросы. Иногда ему буквально приходится нянчиться с кем-либо из слуг – убеждать, усовещивать. В событиях такого рода при всей их плачевности раз от разу проглядывает комизм, состоящий в том, что «барин» и слуга как бы меняются местами, и уже не ясно в конце концов, кто кому служит» [4, с. 318]. Из этого следует, что ирония является ведущим приемом изображения и используется писателем как средство показа своего отношения к чему-то или кому-то.

Тема «маленького» человека, как правило, в образе слуги, звучит у И. Гончарова в каждом произведении. Если в литературе это показ определенного и устойчивого обобщенного образа слуг, то у И. Гончарова этот образ индивидуален, или скажем так: И. Гончаров создал индивидуальные типические образы.

Литературные приемы автора разнообразны: живописный портрет, иногда сатиризация наружности, комические ситуации в жизни. Основной метод портретной характеристики – язык действующих лиц (слуги и барина, чаще всего – это диалог). Из всего этого получается интересный психологический этюд. Например, «Ко мне явился, по рекомендации одного моего приятеля, человек низенького роста, плешивый, лет

пятидесяти, с проседью на редких волосах, оригинальной, даже смешной наружности <...> Он исполнял свою должность аккуратно, шмыгал мимо меня по комнатам, как воробей, ступая на одну ногу легче, нежели на другую, едва касаясь ею пола. Я думал, что она у него короче другой, но потом заметил, что он делал это, чтоб придать своей походке некоторую грацию» [3, с. 320–321]. Традиция портретов устойчива в истории русского очерка, но у И. Гончарова ирония становится основным средством создания портретных зарисовок.

Как утверждает Иван Александрович: «Простые люди не любят простоты». Что же касается замечания о нелюбви к простоте или о любви к непонятному («<...> русский человек не всегда любит понимать, что читает»), то автор имел в виду не всякого русского, а лишь один его тип, который хорошо изобразил в очерках «Слуги старого века». Слуга Валентин не любит простоты и не любит понимать, потому что ему непонятны книги, которые он читает, так как это уровень господ, до которого он хочет возвыситься. Как он предполагает, господа любят читать непонятное. А простоты не любит, потому что сам простого происхождения и хотел бы об этом забыть. Его характерная черта – высокомерие по отношению к таким, как сам, низшим. « – Чему смеяться-то! – шипел он на неё. – Такие дряни, как вы, – должны за счастье почитать, если с ними благородно и деликатно обращается этакий кавалер! <...> Раздавлю! – кричал он разъяренно. Они за честь должны считать, что я с ними обращаюсь!» [3, с. 332, 334]. Трагический комизм сцены: мечта раба заканчивается на том, чтобы стать господином. Кто это? Обыкновенный слуга, причем из доброго старого века с большими потенциальными возможностями. Опять же, иронические эпитеты используются там, где передаются отрицательные черты характера персонажей.

Евсей из «Обыкновенной истории» привез подарки дворне – «<...> он дарил петербургские гостинцы: кому серебряное кольцо, кому серебряную табакерку» [3, с. 275]. Часто обращается к барину с дельными замечаниями: «Кабы не забыть: давеча в лавочке на грош укус взял да на гривну капусты, завтра надо отдать», «Извольте-ка посмотреть, сударь... какая вакса-то <...> В деревню бы послать...» [3, с. 122]. Анна Павловна (мать Александра) полагает, что Евсей – нерадивый слуга, который осмелился не покупать барину сдобные булки и тем самым довёл его до жизненного краха. «Ты разве забыл, что он здесь кушал всё сдобные булки? Покупать постные булки!» [3, с. 277].

Образы людей в очерках И. Гончарова имеют не только свою живую индивидуальность, но и психику, характер и логику поведения. Образ денщика Фаддеева из «Фрегата «Паллада» показан очень характерно и по праву должен включиться в галерею образов гончаровских «старых слуг»: «Господи! <...> как тебе, должно быть, занимательно и путешествовать, и жить на свете, младенец с исполинскими кулаками!» [3, с. 91]. « Я изучил его недели в три окончательно, то есть пока шли до Англии; он меня, я думаю, в три дня. Сметливость и «себе на уме» были не последними его достоинствами, которые прикрывались у него наружною неуклюжестью костромитянина и субординацию матроса» [3, 24]. Денщик от чистого сердца заботился

о барине, воровал для него сберегаемую на корабле пресную воду. «Достал, – говорил он радостно каждый раз, вбегая с кувшином в каюту, – на вот, ваше высокоблагородие, мойся скорее, чтоб не достали да не спросили, где взял, а я пока достану тебе полотенце рожу вытереть!» В Лондоне у дворца: «Королева рассердилась: штанов не дала!» [3, с. 64]. Творческий стиль и творческая индивидуальность И. Гончарова-писателя проявляются в создании образов речевыми характеристиками, диалогом, репликами. Опять же, автор ироничен, но объективен и наблюдателен: «<...> У него (Фаддеева. – Прим. И.Г., В.П.) было то же враждебное чувство к книгам, как и у берегового моего слуги: оба они не любили предмета, за которым надо было ухаживать с особенным тщанием, а чуть неосторожно поступишь, так, того и гляди, разорвешь» [3, с. 78].

Слуг, которые хорошо знают привычки, характер своего хозяина, которые часто думают и поступают, как барин, которые говорят, используя такую же лексику, чьи мысли часто схожи с господскими, можно отнести к такому типу слуг, как «двойник барина». К данной категории относится Захар из «Обломова». Лень – главная черта Захара, из-за лени слуги дом нарастает пылью, превращаясь в рухлядь. Захар нередко повторяет слова и действия барина. И всё отрицательное, что видел слуга в своем барине, постепенно усваивалось им. Захар является не только «двойником барина», но и «слугой-плутом», так как умело пользуется своей хитростью, а что касается денег, то прикарманивал их, всякий раз обманывая барина, мог украсть что-нибудь у него. Захар пользовался различными ситуациями для своего блага, зная, что Обломов, кроме как сказать свое «жалкое слово», ничего больше сделать не может. Барин наставляет своего слугу привычным и «действенным» способом – прибегая к «жалким словам», называя Захара «ядовитым человеком». Образ Захара выписан детально. В нем подчеркивается комическое. Общение слуги и барина оборачивается вереницей забавных бытовых сцен: Обломов периодически взывает: «Захар!». И перед нами возникает слуга «в сером сюртуке, с прорехою под мышкой», «бакенбардами, из которой каждой бы стало на три бороды». Захару было за 50 лет, и портрет его, нелепый и смешной, заполняется особым голосом: герой не говорит, а ворчит, как собака, или хрипит.

«Счастливая ошибка» – это будущее романа «Обломов», где Егор Адуев – брат Ильи Обломова. Он так же мало интересуется судьбой своих крепостных, мечтает о счастливой жизни в имении и тоже занят планами переделки деревенского дома. И обращение Егора Адуева с камердинером Елисеем такое же, как у Обломова с Захаром. Иногда Егор Петрович кричит на слугу: «старый черт, умничать стал-вон!» [3, с. 217]. Или так: «<...> Ну, ну, погоди, погоди! – в одно и то же время закричали друг на друга Обломов и Захар» [3, с. 194]. Так же, как и барин, слуга презирает труд. Захар, в своем роде, тоже барин. И всё же их отношения – это отношения барина и крепостного. «Петербургское» понятие в сознании Захара того, что каждый человек должен существовать по общему для всех стереотипу, представляется Обломову потрясением всех устоев жизни.

«<...> Всю жизнь были при нем (И. Гончарове. – Прим. И.Г., В.П.) слуги. Кто получше, кто похуже, разные, каждый со своими достоинствами и недостатками, а то и причудами. И это вошло уже в его плоть и кровь – иметь слугу, настолько вошло, что и диковато было подумать о том, как на старости лет останется он вдруг без слуги...» [4, с. 318]. Итак, рассмотрев художественную манеру И. Гончарова в создании образов «маленьких людей», можно сделать следующий вывод: классическая манера письма автора, в отличие от «*леттературы*», – это и есть литературная культура другого времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сухих И. Русская литература для всех: От Гоголя до Чехова. СПб.: Лениздат, 2013. 496 с.
2. Утевский Л. Жизнь Гончарова. М.: Аграф, 2000. 304 с.
3. Гончаров И. Слуги старого века // Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1954. 383 с.
4. Лоциц Ю. Гончаров. М.: Мол. гвардия, 2004. 392 с.
5. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.

IMAGE OF A SERVANT IN THE WORKS OF I. GONCHAROV

© 2014

I.E. Gruzan, graduate student

V.A. Petisheva, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Russian Philology Department at Philology
Birskiy affiliate of «Bashkir State University», Birsk (Russia)

Keywords: image of a servant; realistic traditions; personality; satire; portrait essay; literary archetypes.

Annotation: The article analyzes an individual social portrait «a typical person» as a «class representative» created by Ivan Goncharov. The article describes a character of a servant in the works of the writer, and provides appropriate conclusions. The writer's essays are of biographical, historical and cultural interest: such literary works idealized «good old days». The essay «The servants of old age» published in 1888 served this purpose objectively. Relationship between a master and servants of those years were described by the author only throughout everyday life without showing any social conflicts. Ivan Goncharov was mostly engrossed in the national specifics of the Russian life – he saw a variety of possibilities in its elements and observed them meticulously and thoroughly. Specific character of Russian people is reflected in the images portrayed by Goncharov where individuality and originality come to the foreground. In the novel «The Precipice» the author describes the image of idle obsequious servants spoiled by the master's gifts. I. Goncharov as a writer steps away from a traditional essay of classical Russian literature to the realistic traditions of world literature: contradictions and conflicts, «sympathies» and «dislikes». Goncharov as a landlord replaces servants in his house and becomes a witness or a «third» party in their private life, and willingly reflects that on the pages of his essay where there are no stories but there are interesting and instructive facts of life. The plot of Goncharov's essay is a creative transformation of facts taken from life that takes place in the light of artistic and journalistic nature. In general Goncharov's essay is the author's reflections on people and deeds: a story that reveals the inner life, psychology with ironic shades and not a dry description of a fact. The subject of a «humble» person – usually a servant – is traced in every Goncharov's work. If the literature shows a definite, stable and generalized image of a servant, I. Goncharov shows this image in a different way – he created individual typical images. Literary devices used by the author are really varied: a vivid portrait, a satirical description of appearance, and comic situations from life. The basic method of portrait description is the characters' language (of a servant and a landlord); in most cases it is a dialogue.